

Вовина-Лебедева В.Г.
К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ШТАМПАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЗДНЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ)

Одним из основных вопросов истории летописания традиционно является вопрос о заимствованиях одних летописных текстов другими. Он всегда считался довольно сложным, так как редко когда можно однозначно утверждать случаи заимствования именно в одностороннем направлении. Кроме того, чаще всего тексты восходят друг к другу не непосредственно, а через промежуточные этапы, или восходят к общим протографам. Мы должны также учитывать компилятивную природу летописания в принципе, зачастую не дающую возможности просто однозначно говорить о том, заимствование ли перед нами или нет.

В этой связи важнейшим оказывается признание использования книжных образцов как одной из примет летописного жанра. Если в летописном тексте используются одни и те же обороты, это не всегда говорит о заимствовании, возможно использование определенной модели, и в этом случае исследователи пытаются искать эту модели, что часто представляет сложность.

В последнее время идут напряженные споры вокруг проблемы расщепления летописных текстов, в особенности, раннего летописания, например, «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Они особенно обострились после появления серии работ А.А. Гиппиуса [2, с. 80–102]. Однако, иногда при лингвотекстологической стратификации упускается из виду особенность летописания как жанра, построенного на повторении устойчивых выражений, не до конца учитывается его компилятивная природа.

В сущности, следует говорить в данной связи не только о летописях, а вообще о древнерусской книжности. Первым, кто стал разбирать устойчивые выражения или, как он писал, «постоянные формулы», был А.С. Орлов, обративший внимание на воинские повести [11, с. 1–50], а потом перешедший к другим историческим повествованиям [10]. Нам особенно интересна его работа о сравнении т.н. Повести Катырева-Ростовского (далее – ПКР) и Троянской истории Гвидо де Колумна (далее – ТрИ), русский перевод с печатного латинского текста которой появился уже появился в конце XV в. Как показал А.С. Орлов [12, с. 73–98] в ПКР использованы описания времен года и сражений ТрИ. По мнению А.С. Орлова, ПКР «почти наполовину» состоит из риторического и лексического материала ТрИ [12, с. 75]. А.С. Орлов не ставил вопрос о том, чем объясняется подобное заимствование: имел ли составитель ПКР текст ТрИ, воспроизводил ли по памяти, выбирал ли что-то определенное или же механически заменял имена и названия. Но он привел много примеров заимствований отдельных фраз в описаниях сражений и др., некоторые из которых можно встретить в других сочинениях о Смуте начала XVII в., например, в Новом летописце (далее – НЛ).

Е.П. Семенова [9, с. 335–340], занимаясь сочинениями князя Семена Шаховского, увидела заимствования из «Слова в неделю новую...» Григория Богослова и из Псалтыри [9, с. 338]. Но, как пишет Е. П. Семенова, в действительности, древнерусский книжник брал текст не прямо из Псалтыри, а из гимнографических текстов; в XVII в. это стало традицией, и часто даже не соотносилось с содержанием текста. В описании весны Шаховской близок к ПКР [9, с. 339–340], сходство идет от общего источника – Слова Григория Богослова, хотя Е.П. Семенова признала параллели с ТрИ. Вопрос о том, как выбирались данные отрывки, как они готовились для вставки в чужой текст, по-прежнему не поднимался.

Д.С. Лихачев [5, с. 80–102] видел в устойчивых сочетаниях проявление «литературного этикета», использовал также понятие «стилистические трафареты». О.В. Творогов [7, с. 277–284; 8, с. 29–40] поставил важный для нас вопрос: «Какие выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка можно сделать, сравнивая язык «Повести временных лет» с языком более поздних памятников?» [7, с. 278].

Но объяснение О.В. Творогова, почему и как появлялись устойчивые выражения, вызывает некоторые сомнения. Он полагал, что то, что А.С. Орлов называл «воинскими формулами», имели широкое распространение в живой речи при обращении князей к дружине, в речах полков и пр., и что летописец «не имел возможность точно воспроизвести слова данного князя в

данный момент, но несомненно, что в уста персонажей он вкладывал употребительные в таких случаях обороты речи».

Мой опыт работы с подобного рода заимствованиями в поздних летописных текстах говорит скорее о том, что это были расхожие и устойчивые выражения, хранившиеся в памяти книжных людей, а, возможно, и вообще древнерусского человека, куда они попадали из опыта посещения церковных служб, переписывания текстов и пр. Мне кажется удачным понятие «текстовые штампы» или «книжные штампы». Согласимся с А.С. Орловым в том, что «формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода» [11, с. 1–50]. Летописцы не только при описании сражений, а в целом, ориентировались и летописные штампы, используя и готовые синтаксические конструкции, и образы уже привычные в летописании.

Необходимо учитывать, что древнерусские книжники постоянно использовали готовые конструкции, копировали образцы, заменяя имена и названия, приспособляя под свои нужды готовые тексты. Напомним, что представления об авторстве еще не сложились, и считалось не только допустимым, но даже необходимым пользоваться чужим при составлении своего, учитывая то, что под рукой находились трафаретные формулировки. Такова была природа труда древнерусского книжника: в определенном смысле механического, а не творческого. По мнению В.И. Мильдона летописец «занят нехитрым, немудрящим делом – записывает, не добавляя от себя (а добавляя, не оговаривает, не видя в том – к отчаянию исследователей – особого смысла), не приводя собственных оценок, не отмечая того, что сделано им, сравнительно с предшественниками» [6, с. 90]. Против подобного восприятия летописи выступил И.Н. Данилевский, написав, что относительно высказывания В.И. Мильдона «комментарии излишни», однако, на наш взгляд, сама по себе мысль, что летописец писал все, что знал или слышал, справедлива, но объясняется это не тем, что летописец «прост», а тем, что не считал вправе ничего упускать. В этом смысле позиция В.И. Мильдона совпадает с позицией И.П. Еремина, сформулированной еще в 1940-х годах. По мысли И.П. Еремина, летописец, как правило, просто регистрировал события факт за фактом, иногда сопровождая это краткой моральной оценкой. Поскольку события подчиняются непостижимой божественно воле, летописцу не было нужды логически связывать их. И поэтому летопись представляет «ряд фактов, выпавших из своего реального конкретного в каждом отдельном случае, причинно-следственного контекста» [4, с. 51–58].

Взгляд И. Н. Данилевского прямо противоположен: летописец, конечно, являет собой образ мира, принципиально отличавшийся от современного, и способы описания его были совершенно другими [4, с. 12], но это т.н. центонно-парафразный принцип, когда текст складывается из частичек других текстов. Любая цитата отсылала к тексту-предшественнику. Новое произведение, состоящее из центонов, — своего рода коллаж. По И.Н. Данилевскому летописец – искусный книжник, играющий отрывками известных текстов. Но те примеры, которые автор приводит, чаще всего касаются каких-то особых с идейной точки зрения моментов повествования. В изложении же остальных срабатывал все-таки другой принцип, более простой: описывать все, как и в старых летописцах, которые составитель когда-то видел или читал. Образцы в этом смысле показывают не стремление придать тексту какой-то скрытый смысл, явным лишь посвященным (как полагает И.Н. Данилевский), это просто важный момент древнерусской культуры, в которой оригинальность вовсе не была востребована, которая была компилятивна по природе своей.

Сохранении традиции штампов на протяжении многих веков видно на материале позднего летописания. Конечно, составитель НЛ пользовался не текстом ПВЛ, но определить, откуда именно он брал цитаты, весьма затруднительно. Нам важно, что образцовые летописные выражения были ему известны, и «старый» летописный стиль влиял на его собственное изложение, что видно из таблицы (штампы выделены п/ж шрифтом).

При сравнении этого места с текстом Степенной книги (ПСРЛ, т. 21, с.139–140), вместе с которой НЛ часто встречается в рукописной традиции, видим, что там читается другой текст, т.е. в НЛ заимствования не оттуда, и вообще, в данном случае не обязательно искать письменные источники. История Святополка и сетования по поводу нее в XVII в. уже стали штампом.

ПВЛ (нач. XII)	НЛ (1 пол. XVII)
<p>...Се же сбыться все: не от своя воля рекоша, но от Божья повеленья...</p> <p>...Святополкъ же окаанный ... нача помышляти, яко «Избью всю братию свою и прииму власть рускую единь». Помысли високоумьемь своимь, а не вѣды, яко «Даеть Богъ власть, емуже хоцетъ, поставляеть цесаря и князя Вышений, емуже хоцет, дасть». Аще бо кая земля управить предь Богомъ, поставляеть цесаря и князя правѣдна, любяща судъ и правду, и властеля устраяет, судью, правяща судъ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаються согрѣшения, аще ли зли и лукави бывають, то болшее зло наводитъ Богъ на землю ту, понеже глава есть земли</p>	<p>... И вложи диявол ему в мысль извести праведнаго своего государя царевича Дмитрея. И помышляше себе «аще изведу царский корень и буду сам властелин в Руси», яко же окаанный Святополкъ помышляше на братию свою Бориса и Глеба «аще побию братию свою, и буду един властелин в Руси», а не ведя того, яко Богъ власть кому хоцет, тому дает. Сий ж окаанный Святополкъ посла на братию свою на убойство....</p> <p>...По реченному словесе аще кая земля управится пред Богом, поставляет им царя и судию праведна и всякое подает благодаяние. Аще ж которая земля прегрешит пред Богом, поставляет царя и судию неправедна и наводит на ту землю вся злая, яко ж древле наведе Бог окааннаго Святополка на Рускую землю и на убийство братии своей.</p> <p>... И многое было волнение всяким людем, коиждо хотяше по своей мысли деяти, коиждо про коево говоряще. Не вѣспомянуша бо Писания, глаголюща яко Богъ не токмо царство, но и власть кому хоцет, тому и дает, и кого призовет, того и прославит...</p> <p>...кому даст Богъ храбрость и разум, и тех не любящу. Силою ж никому у Бога не взяти, всяк бо званый от Бога честь восприимлет, и власть дает Богъ кому хоцет, тому и дает.</p>

Сходность стилистики поздних летописных текстов объясняется влиянием общих, носившихся в воздухе цитат, чаще всего полученных опосредованно. Это имеет отношение ко всей древнерусской культуре, а возможно, и к любой средневековой культуре. Следующий вопрос, который следует внимательно рассмотреть и обдумать: можно ли использовать многочисленные данные по книжным штампам в позднем летописании при определении того, как работали летописцы раннего периода, в частности составители ПВЛ, или же, нет. Важно понять, в какой мере то, что летописец (и вообще книжник) использовали старые конструкции, копировали свои источники, заменяя имена и названия, приспособивая под свои нужды готовые штампы, которые были в его распоряжении, следует учитывать при исследовании истории летописного текста разных периодов, при расщеплении его на основании выявления вставок, повторов и пр., как это обычно делается в текстологии.

1. Вовина-Лебедева, В. Г. Новый летописец: история текста / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 400 с.
2. Гиппиус, А. А. Рекоша дружина Игоревы: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи» / А. А. Гиппиус // *Russian Linguistics*. – 2001. – № 25. – С. 147–181.
3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
4. Еремин, И. П. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения / И. П. Еремин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – 92 с.
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд., дополн. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
6. Мильдон, В. И. «Земля» и «небо» исторического сознания (две души европейского человечества) / В. И. Мильдон // *Вопросы философии*. – 1992. – № 5. – С. 87–99.
7. Творогов, О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» / О. В. Творогов // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – М.-Л., 1962. – Т. 18. – С. 277–284.
8. Творогов, О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – М.-Л., 1964. – Т. 20. – С. 29–40.
9. Семенова, Е. П. Об источниках «Повести преславной» С.И. Шаховского» / Е. П. Семенова // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – Л., 1985. – Т. 39. – С. 335–340.
10. Орлов, А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. / А. С. Орлов. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1909. – 36 с.
11. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов // *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*. – М., 1902. – Кн. 4. – С. 1–50.
12. Орлов, А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна / А. С. Орлов // *Сборник статей в честь М. К. Любавского*. – Пг., 1917. – С. 73–98.